Эмиль Коста

Старость – это надолго

16+

Андре Эрмите
Следствие в средневековом стиле

Андре Эрмите. Следствие в средневековом стиле

Эмиль Коста

Старость – это надолго

«Автор»

2018

Коста Э.

Старость – это надолго / Э. Коста — «Автор», 2018 — (Андре Эрмите. Следствие в средневековом стиле)

ISBN 978-5-532-12433-2

XVI век, Пиренейские горы. Андре Эрмите спешит в Сарагосу. Бывшего авантюриста сопровождает слуга, шестнадцатилетний великан Лу. Путники находят приют в католическом монастыре, затерянном среди гор. До ближайшей деревни полдня пути, а самому молодому монаху далеко за шестьдесят… Так отчего же местному аббату не спится по ночам?

ISBN 978-5-532-12433-2

© Коста Э., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 22
Глава 5 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Эмиль Коста
Старость – это надолго

Глава 1

– “Ora et labora”, – по слогам прочитал Лу, – ерунда какая-то.

– Это не ерунда, а латынь. Значит "Молись и работай"… Девиз бенедиктинцев[1] – можно сказать, нам повезло! Стукните-ка еще раз.

– Да я уж весь кулак отбил – не отпирают!

Надпись над воротами была едва различима, и вообще старый монастырь выглядел заброшенным. Андре ничуть бы не удивился, окажись такое на самом деле.

Несчастья преследовали их на пути в Сарагосу. Вот уже вторую неделю путники двигались через Пиренеи[2] к югу. В последней попавшейся на пути деревне им неверно указали дорогу. На затерянной тропе Гнедой быстро захромал, а в довершение всех бед на перевале сломалась повозка. Ее пришлось оставить и пешком спускаться с вершины. Солнце почти скрылось за соседней горой, когда Андре и Лу увидели внизу колокольню старого монастыря.

Обвешанные узлами путники и хромой конь смертельно устали и представляли собой весьма жалкое зрелище. Несмотря на начало лета, погода хмурилась. Собирался дождь. Если они не найдут здесь приюта, им несдобровать. Оставалось лишь молиться, чтобы затерянный в горах монастырь был обитаемым. В конце концов, среди монахов один мог оказаться с добрым сердцем.

Обитель окружал высокий и достаточно ветхий деревянный забор. Ворота выглядели крепкими, но преодолеть худую ограду не составило бы труда. Правда, после этого едва ли можно было рассчитывать на гостеприимство монахов

Наконец, кто-то услышал их. Скрипнул засов, и калитка в воротах распахнулась. За ней стоял пожилой бенедиктинец. Ему было не менее семидесяти, но монах выглядел вполне бодро. Волосы на голове торчали коротким ежиком, окружая выбритую по обычаю макушку.

Старик не спешил начинать разговор и не удостоил путников даже приветствием. Андре про себя рассудил, что более всего угрюмый привратник похож на уроженца Гаскони. Впрочем, они находились на территории Арагона[3], а здесь можно встретить монаха любой национальности.

Молчание затянулось, и он решился его нарушить:

– Простите нас за вторжение на священную землю. Мы – несчастные путники, потерявшие дорогу. Вторые сутки плутаем по этим горам, конь захромал, а повозка сломалась на вершине. Умоляю, позвольте нам переночевать и восстановить силы в стенах монастыря. Мы продолжим путь при первой возможности, но если вы не окажете нам такого гостеприимства, нам грозит верная гибель в горах.

Окончив свою речь, Андре напряженно ждал ответа. Он говорил по-французски, хотя не был уверен, что его поймут. Если национальность монаха определена неверно, на гостеприимство можно не рассчитывать. Андре с трудом сдержал вздох облегчения, услышав в ответ французскую речь с отчетливым южным акцентом:

---

[1] Бенедикти́нцы – старейший католический монашеский орден, основанный святым Бенедиктом Нурсийским в VI веке.

[2] Пирене́и – горная система во Франции, Испании, между Бискайским заливом и Средиземным морем.

[3] Короле́вство Араго́н – государство, существовавшее в 1035 – 1707 годах на территории современных Испании и Франции. В разное время включало в себя исторические области Арагон, Каталония, Валенсия и Руссильон

– Мне-то без разницы, пускать вас или нет. Это настоятелю решать, а он у нас строгий.

– Может быть, проводите меня к нему? Я постараюсь его убедить!

– Да там он… у себя… читает, – на последнем слове монах отчего-то фыркнул, – Только вы поспешите, а то кашей запахло – вечерняя месса скоро начнется.

В воздухе действительно чувствовался вкусный аромат с кухни. За спиной монаха в глубине двора возвышался монастырь: прямоугольный комплекс из нескольких массивных каменных зданий. Над одной из построек вился дымок.

Андре нерешительно поинтересовался:

– При чем здесь каша?

– А у нас повар за колокольню отвечает сейчас: как ужин сготовит, так и бежит звонить.

– Ничего себе! А нормального звонаря нет?

– Людей не хватает. За ворота вон у нас плотник отвечает, брат Серхио, – да только он дрыхнет, как всегда. Хорошо, я вас услыхал.

Вздохнув, Андре обернулся к Лу и сказал:

– Постараюсь добыть нам ночлег. Постерегите Гнедого, я скоро.

– Поесть бы еще, – тоскливо отозвался слуга.

Хозяин не раз уж замечал, что из всех лишений голод парень переносил хуже всего. Это было неудивительно с учетом могучего телосложения Лу. Несмотря на юные годы, он был на голову выше любого верзилы, а субтильный доктор едва доставал слуге до плеча.

– Да пусть в конюшне подождут, ворота-то я отопру. Захромал, бедный, ишь! Разве ж нормальный хозяин коня в горы потащит… – заворковал над Гнедым суровый монах.

Он взял поводья из рук Лу и, толкнув створку ворот, повел коня внутрь. Доктору и слуге ничего не осталось, как войти следом.

Внешний двор монастыря оказался просторным. Слева виднелась конюшня, справа – навес для дров и небольшая мастерская, возле которой стояла пустая телега. Впереди возвышалась церковь, рядом с ней расположилось маленькое кладбище. Сотня-полторы могил, не более того. Некоторые надгробия были древними, некоторые – почти новыми. Это печальное зрелище лишний раз убедило доктора в том, что монастырь знавал и лучшие времена. Земля между могилами заросла травой, хотя лето едва началось, – всюду чувствовалась нехватка рук. Отчего же запустение поразило эти места?

– Как называется это место? – полюбопытствовал доктор.

– Монастырь Сан-Антонио.

– Далеко ли до Сарагосы?

– Смотря как ехать. Коня подлечите – и недели за две доберетесь. От нас до деревни в долине хорошая дорога, а дальше – еще лучше.

Монастырь скорее напоминал собой небольшую военную крепость, чем монашескую обитель. С правой стороны к церкви примыкало нежилое одноэтажное здание, похожее на склад. В его открытых дверях стоял высокий старик в монашеских одеждах. Он неодобрительно осмотрел путника и скрылся внутри.

Когда Андре проходил мимо мастерской, оттуда вышел еще один, весьма заспанный пожилой монах. Потирая глаза, он с изумлением уставился на путников.

– Опять дрыхнешь среди дня, – обратился к нему старик, открывший ворота, – Гляди, комендант опять выволочку устроит.

– Не твоего ума дело… Никак гостей принесло?

– Вот, заблудились.

Монах повел Гнедого к конюшне, Лу последовал за ним. Оставив слуге свою сумку, Андре направился к распахнутым дверям церкви. Насколько ему было известно, мирянам полагалось пользоваться только этим входом.

Внутри было пусто. Через дверь и прикрытые деревянными ставнями окна в просторный зал попадало совсем немного света. Никакой росписи, мозаик – никаких украшательств – только тесаный камень и рассеянный свет. Единственное огромное распятие темного дерева виднелось за алтарем в глубине церкви. Андре в нерешительности остановился на пороге, пораженный неприветливой атмосферой молитвенного зала, но затем зашагал вперед.

В воздухе кружилась пыль, шаги доктора гулко отражались от каменных стен. Возможно, в солнечную погоду, когда окна открывали нараспашку, скамьи наполнялись почтенными старцами, а вдохновенный аббат начинал мессу, здесь и ощущалась подлинная благодать. Теперь же старая церковь дарила умиротворение лишь дохлым мухам на полу.

Ближе к алтарю находилась еще одна дверь. Она вела во внутренний дворик монастыря, посередине которого Андре увидел старый колодец с тяжелым воротом. Дворик окружала крытая галерея, из которой в другие помещения вело множество дверей.

Из здания справа на доктора вновь хмуро взглянул высокий старик. За его спиной Андре увидел сваленные в беспорядке мешки и ящики. Он угадал с назначением постройки: это монастырский склад, а его неприветливый служитель – кто-то вроде местного эконома.

Стучаться во все двери подряд путник не решился. Вместо этого он пересек двор и вошел в дверь хозяйственной пристройки, над трубой которой поднимался дым. Человек при кухне – рассудил Андре – должен быть добрее прочих. Да и запах каши совсем недурен.

В кухне кипела работа. Пожилой толстяк в светлом переднике поверх черных одежд и сбитом набок колпаке что-то мешал в котле над очагом. Под нос он беззаботно напевал тулузскую песенку с довольно скабрезным содержанием. Набор продуктов на его рабочем столе: мешочек полбы, лук, несколько морковок – не внушал особых надежд, но запах над варевом подымался умопомрачительный. Андре, невольно сглотнув, решился подать голос:

– Прошу прощения! Я ищу настоятеля и, боюсь, немного заблудился…

Толстяк обернулся к нему и расплылся в широкой улыбке:

– Я вас и не заметил, мсье! Отец Лоран сейчас у себя, как всегда. Присядьте, я вот-вот закончу и провожу вас к нему… Какими судьбами к нам?

Андре уселся на низкий табурет у двери.

– Я со слугой направляюсь в Сарагосу. Из Тулузы мы пошли прямо на юг, надеясь поскорей добраться до цели. В последней попавшейся на пути деревне нам указали эту дорогу, хотя теперь я почти уверен, что местные крестьяне жестоко пошутили. Мы переночевали в горах, а потом двинулись дальше – очень уж не хотелось возвращаться. У меня небольшая повозка: колесо сломалось почти на самой вершине, конь захромал… Мы едва спустились пешком – у самого монастыря тропа просто в ужасном состоянии! Словом, невезение просто катастрофическое.

– Боже мой, – покачал головой толстяк, – сколько несчастий за такое короткое время! Эту тропу лет десять как почти перестали использовать – власти построили объездную дорогу. С тех пор и наша обитель утратила свое значение.

– А чем вы здесь раньше занимались? – из вежливости поинтересовался доктор.

– Приглядывали за перевалом. Эта территория долго считалась пограничной, так что стычки были обычным делом. Лет двадцать назад Сан-Антонио населяли крепкие мужчины – теперь же здесь осталась лишь горстка стариков.

– Я заметил, что людей у вас не хватает, – кивнул Андре, – но отчего же епископ не пришлет пополнение?

– Я же говорю, монастырь больше никому не нужен. Думаю, после смерти последнего из нас, это место окончательно придет в запустение.

– Как же вы управляетесь? Территория велика, тут бы человек двадцать нужно.

– Нас всего семеро! Комендант, то есть отец Лоран, всем управляет, Дамьен ведет бухгалтерию и летопись, брат Арман ухаживает за ослом да возит все, что нужно, в соседнюю

деревню; вы наверняка видели его на конюшне… – повар попробовал варево из котла и довольно причмокнул, – Серхио плотничает, все чинит, да еще приглядывает за воротами – и все это делает из рук вон плохо. Брат Андони отвечает за хранение припасов на складе, хотя хранить нам давно нечего; я готовлю и звоню к мессе, зовут меня брат Модест… Ну а брат Рикардо занимается садом.

На последних словах он указал куда-то в угол. Андре машинально обернулся и вздрогнул, обнаружив там еще одного монаха. Невысокий, худой как палка старик сидел на скамье, сложив узловатые от тяжелой работы руки на коленях. Голова его была покрыта капюшоном, из-под которого на доктора глядели пронзительные черные глаза. Даже возраст и бритая борода не смогли скрыть черты настоящего кастильца[4]. Неумолимый взгляд фанатика прожигал насквозь. По спине у доктора прополз холодок.

Андре с трудом сдержал волнение и заставил себя улыбнуться как можно более приветливо. Он поздоровался с монахом, но тот и не думал отвечать.

– Все готово, пора звонить к мессе, – сказал тем временем повар.

Он снял фартук и небрежно бросил его на стол, следом полетел колпак. Только тут доктор обнаружил, что уцелевшие после бритья макушки волосы монаха очень редкие и совершенно седые. Брату Модесту было не менее семидесяти – он не покривил душой, записав в старики и себя. Выглядел он значительно моложе, как часто бывает у полных людей. Повар вышел наружу и зашагал по галерее, огибающей дворик, к церкви. Андре следовал за ним.

– Брат Рикардо дал обет молчания, – пояснил толстяк, – Кое-кто считает его напыщенным гордецом, но вы не подумайте плохого. Если бы надо было указать праведника на этих землях, я бы без колебаний выбрал его. Сама скромность и трудолюбие!

– Я ничуть не удивлен. В его взгляде горит настоящий божественный огонь, – пробормотал Андре.

– Поверьте, это добрейшей души человек. Я знаю его давно, говорить он перестал лет десять назад, но и до этого был немногословен – непросто кастильцу среди нас.

– А другие ваши братья – французы?

– В основном – да. Брат Андони – баск[5]. Язык он знает, но держится сам по себе, да и характер не из приятных.

– Кажется, я его видел – угрюмый старик вон там? – указал доктор в сторону склада.

– Это он! Сидит там целыми днями, добро пересчитывает. Более кислой физиономии не найти, – кивнул толстяк, – А вот здесь келья настоятеля. Он строгий у нас, но вы раньше времени не волнуйтесь.

Указав доктору дверь, он отвесил неожиданно изящный поклон и скрылся в церкви. Повар с манерами дворянина – это что-то новенькое! Андре проводил его удивленным взглядом, а после прислушался. Чем бы ни занимался в вечерний час комендант-настоятель, из-за толстенной двери ничего не было слышно. Путник постучал. Через минуту к нему вышел невысокий монах. Хрупкого телосложения, с застенчивым взглядом огромных глаз и моложавым лицом, он производил впечатление херувима, почтившего своим присутствием грешную землю. Разглядеть за этой ангельской внешностью пожилого мужчину было почти невозможно. Лишь складки возле губ да морщинки у глаз выдавали возраст, который составлял не менее шестидесяти лет.

– Добрый вечер. Чем могу помочь? – обратился к доктору херувим.

---

[4] Кастильцы – народ, проживавший в регионах центральной Испании, включая, восточную часть Кастилии и Леона, северную и восточную части Кастилии-Ла-Манча.

[5] Ба́ски – народ, населяющий т. н. баскские земли в северной Испании и юго-западной Франции.

– Добрый вечер. Я ищу настоятеля монастыря, повар указал мне эту дверь, – пробормотал совсем растерявшийся Андре. Внешность старика ничем не напоминала коменданта или как там еще называла его подчиненная братия.

– Разумеется! Отец Лоран, к вам посетитель… Мирянин.

Он отступил в сторону, пропуская доктора внутрь. Просторная келья была обставлена весьма просто, даже как-то по-военному. Ее хозяин, высокий и широкоплечий старик, вышел навстречу Андре, чеканя шаг. Оробевший посетитель готов был поставить целый эскудо[6] на то, что настоятель из бывших вояк. Чинов, впрочем, невысоких – слишком придирчиво и недружелюбно глядит. Генералы обычно добрее, да и в монастырь в расцвете лет они не уходят.

– Добрый вечер, отец Лоран. Я доктор Андре Эрмите. Оказался в затруднительном положении вблизи Сан-Антонио и вынужден молить о помощи. Буду просто счастлив, если вы уделите несколько минут вашего времени и ознакомитесь с одним письмом.

Доктор вынул из-за пазухи свою драгоценную грамоту и протянул настоятелю. Тот взял бумагу и не глядя передал херувиму. Брат Дамьен (как догадался Андре) развернул ее и прочел вслух рекомендации, которые доктор получил от своего патрона в Кавайоне прошлой зимой:

"*Настоящим подтверждается, что предъявитель сего, доктор Андре Эрмите, наделен мною, братом Бартоломью из Кавайона, правомочиями к расследованию различных преступлений против Бога и человека.*

Данное лицо de facto состоит на особой службе у католической церкви Франции. Рекомендую доктора к оказанию следственных услуг также для городских магистратов и частных лиц".

Закончив, монах свернул бумагу и с интересом уставился на доктора. Настоятель выглядел скорее озадаченным, чем заинтересованным.

– Ничего не понял. Вы монах или мирянин?

– Второе, – вежливо ответил Андре.

– Тогда что значит это "de facto"?

– Господин доктор оказал неоценимую услугу церкви, и она, признавая его заслуги, одарила его своими доверием и милостью, – пояснил брат Дамьен.

– Именно так! Весну я провел у архиепископа тулузского, пользуясь его гостеприимством. Разумеется, я отплатил благодарностью и оказал посильную помощь в распутывании одного дела…

– Дела? – рявкнул комендант. Голос у него был зычным, созданным скорее для командования полком, а не молитвы.

– Да. Это было связано с хищением церковной собственности, но не хотелось бы вдаваться в подробности.

– Хищением? Вон что: вы распутываете всякие темные делишки?

– Делишки и даже целые дела, если потребуется, – улыбнулся доктор.

С колокольни донесся звон: брат Модест наконец преодолел одышку и бесчисленные ступени, чтобы созвать остальных на вечернюю молитву. Настоятель досадливо поморщился и сказал:

– Брат Дамьен, выделите доктору свободную келью, распорядитесь насчет постели и ужина…

– Слушаюсь, отец Лоран.

– Впрочем, все это после мессы. Ступайте вперед, – настоятель проводил глазами секретаря, а после обернулся к Андре, – Вы можете присутствовать – в дороге вы наверняка давно не принимали причастия.

---

[6] Эскудо – здесь и далее имеется в виду золотая монета Испании, выпускавшаяся с 1535 по 1833 год, с содержанием чистого золота в размере 3,03—3,09 г.

– Так и есть, отец Лоран. Мы со слугой с радостью воспользуемся вашим приглашением.

– Отлично. Я сам причащаю братьев, не обойду и вас, – аббат улыбнулся, – Возможно, сможете и мне оказать небольшую услугу.

Глава 2

Андре прошел через еще пустую церковь в конюшню, чтобы предупредить брата Армана о решении настоятеля. Он встретил его беседующим с Лу во дворе и сообщил обоим о том, что путники остаются в монастыре. Возница кивнул и сказал, чтобы о коне доктор не беспокоился: он получит все необходимое.

– У нас тут всего один ослик – на местных кручах животинка самая подходящая – а сена завались.

Монах закрыл сарай и направился к церкви. Путники последовали за ним.

– Откуда же в горах столько сена? – поинтересовался Андре.

– У местных на сидр выменивaем; деревня ниже, в долине, – пояснил брат Арман, – Туда дорога почти ровная, я несколько раз в месяц телегу гоняю.

Когда все монахи собрались в церкви, месса началась. Андре с Лу скромно сидели на скамье. Слуга боролся со сном, а хозяин старался удержать на лице подобающее выражение. В Тулузе он успел привыкнуть к многочасовым службам, которые устраивал местный архиепископ. Его преосвященство дал доктору приют на добрых три месяца: выделил покои в своем доме, одарил деньгами, позволил пользоваться библиотекой. Регулярное посещение его месс – самое малое, чем мог отплатить Андре за такое гостеприимство.

Стоит сказать, что сохранить на лице почтительное выражение было нелегко. Аббат Лоран вел службу из рук вон плохо. Он скверно знал латынь и делал массу ошибок. Брат Дамьен выступал чем-то вроде суфлера; каждый раз, когда его патрон перевирал текст, он болезненно морщился. Остальные монахи молились молча. С самым безучастным видом стоял брат Рикардо – он прикрыл глаза и не обращал внимания на происходящее, унесясь мыслями куда-то далеко отсюда.

Когда служба, к облегчению почти всех присутствующих, окончилась, монахи вышли во внутренний дворик и зашагали к кухне. Доктор со слугой поднялись со скамьи и тихонько разминали затекшие от долгого сидения ноги. Аббат, оставив церемониальное облачение секретарю и перебросившись с ним парой фраз, подошел к гостям.

– Миряне не могут разделить трапезу с братией, – обратился он к доктору, – Сегодня вам накроют отдельный стол в трапезной. Кроме того, ночевать вы будете в старой келье для послушников. В остальном можете чувствовать себя вольно. Отдыхайте. Утром я приглашу вас к себе для важного разговора. Брат Дамьен проводит.

С этими словами настоятель повернулся и вышел. Судя по топоту, который он при этом издавал, отец Лоран вместо традиционных монашеских сандалий носил походные сапоги. Секретарь улыбнулся путникам и предложил им следовать за собой.

– Келья послушников весьма удобна. Мы регулярно проводим уборку в монастыре и даже пустые помещения содержим в относительном порядке. Последний раз эта комната использовалась по прямому назначению много лет тому назад.

– А чего там чистить, если никто не живет? – поинтересовался Лу.

– Это распоряжение настоятеля: он рьяно следит за порядком. Едва ли к нам поступит пополнение; новых братьев сюда не направляли давно.

– Ваш повар говорил, что в Сан-Антонио после строительства новой дороги наступил упадок…– заметил Андре.

– Я бы не назвал это упадком. Когда поток странников, с самыми разными намерениями идущих через перевал, иссяк, мы все невольно вздохнули с облегчением. Уже тогда многие были в почтенном возрасте…

– Но разве охрана перевала не была основным назначением для Сан-Антонио?

– Разумеется! Поначалу мы даже были рады, поскольку свободного времени у всех стало больше. Но потом это стало скорее проблемой, – улыбнулся монах.

– А что плохого в отдыхе? – простодушно удивился Лу.

– Плохо, мальчик мой, когда его слишком много… Мы пришли!

Секретарь остановился перед одной из массивных дверей, ведущих в кельи, и без усилия открыл ее.

– Двери – это единственное, что наш плотник поддерживает в порядке, – с улыбкой сказал брат Дамьен, – однажды вход в келью отца Лорана переклинило. Мы вызволяли его оттуда несколько часов, бедняге пришлось… впрочем, не будем об этом. Словом, после этого брат Серхио получил такой разнос, что ввек не забудет.

Войдя, путники увидели просторную квадратную келью, рассчитанную на нескольких послушников. Монах прошел через комнату, распахнул ставни окошка на противоположной стене, и свет проник внутрь. По две деревянные койки с соломенными тюфяками стояло у правой и левой стены, под окном расположился единственный стол с двумя табуретами, а посередине возвышалась жаровня для углей. В воздухе кружились пылинки, но в целом помещение было чистым.

– По ночам теперь не холодно, но если нужно, в кухне можно набрать углей для жаровни. Воду для мытья тоже найдете там. Свои вещи можете пронести через церковь – склад уже заперт, да и брат Андони не любит, когда кто-то ходит через него. Размещайтесь и приходите ужинать; проход в трапезную через кухню.

Монах удалился. Андре огляделся и присел на одну из кроватей.

– Кажется, неплохо устроились, – обратился он к Лу.

– Бывало и получше!

– Не поспоришь… В Тулузе нас здорово избаловали.

– Ага! Какого поросенка подали на прощальный ужин, помните? С подливой… – юный слуга мечтательно зажмурился.

– Каша здесь выглядит и пахнет очень неплохо… Все лучше, чем мерзнуть в горах.

– Оно конечно! Так я за вещами схожу?

– Не заблудитесь. Наша келья – крайняя справа; правой рукой вы едите… Впрочем, просто оставьте дверь открытой для ориентира. И помните: ходить только через церковь.

– А почему?

– Сам толком не знаю. Такие уж в монастырях порядки. Строго говоря, мирянам в такие места вообще нельзя соваться. А окажись среди нас дама, ей пришлось бы ночевать в лучшем случае на конюшне.

– Вечно с ними проблемы, – равнодушно зевнул Лу и скрылся за дверью.

Андре поднялся и выглянул в окно. Там был монастырский сад: невысокие, но крепкие яблони и груши росли почти вплотную к зданию, а в летнюю жару наверняка давали густую тень. Доктор удивился, что изможденный на вид брат Рикардо в одиночку управляется с немаленьким садом.

Стены между кельями были очень толстыми и не пропускали ни звука. Даже если кому-то из монахов пришло бы в голову играть на барабане всю ночь напролет, – других бы это не обеспокоило. Доктор машинально постучал по серому камню пальцем и вздохнул. Монастыри всегда наводили на него тоску, но сегодня было не до капризов.

Слуга вернулся, навьюченный всевозможными узлами, которые он забрал на конюшне. Сбросив хозяйские вещи на одну из коек, он выразил желание поскорее увидеть трапезную. Андре не стал спорить: если юный великан учуял еду, пиши пропало.

Они вышли, прикрыв дверь, и направились по крытой галерее к кухне. Там повар раскладывал еду по мискам, разламывал огромную ковригу хлеба и вручал брату Дамьену, который относил все это в соседнее помещение. Пройдя следом за ним, путники оказались в трапезной.

Это была просторная комната с длинным столом посередине, за которым сидели монахи, и еще одним, поменьше, у дальней стены. На малом столе был накрыт ужин для двоих человек. Андре направился туда, а Лу последовал за хозяином.

Обстановка за ужином была не слишком теплой. После краткой молитвы каждый склонился над своей тарелкой и сосредоточился на еде. За столом не велось разговоров ни на житейские темы, ни тем более о высших материях. Монахи как будто избегали смотреть друг на друга. Доктор не мог с уверенностью утверждать, было ли такое поведение частью местного распорядка или между стариками происходило что-то неладное, но на всякий случай тоже хранил молчание.

Брат Модест вышел из кухни с собственной порцией каши и присоединился к остальным. Андре показалось, что повар нетвердо держится на ногах. Пьянство не было редким явлением среди монахов, поэтому доктор ничуть не удивился. А вот настоятель явно был недоволен. Он скосил глаза на повара и сурово насупил брови. Сидящий рядом брат Дамьен ниже склонился над тарелкой и застучал ложкой, будто ничего не замечая.

Его примеру последовали и остальные. Каждый торопился покончить с ужином и удалиться. Один за другим монахи складывали ложки в опустевшие миски и выходили через кухню. Ушел, склонив голову под капюшоном, молчаливый садовник, едва слышно прошмыгнул к двери брат Дамьен, удалился, сердито стуча сапогами, аббат… В конце концов в трапезной остались только гости да припозднившийся повар.

– Эх, отмаливать мне завтра грехи до самых петухов, – с усмешкой проронил толстяк, когда шаги последнего из братьев затихли во дворе.

– Прошу прощения? – Андре притворился несведущим из опасения оскорбить монаха.

– Да настоятель приметил, что я к бутылочке приложился. Будь на то его воля, я б неделю под арестом сидел, или розог бы мне всыпали. К большому сожалению нашего коменданта, монастырские порядки несколько отличаются от военных.

Доктор покосился на слугу и вымолвил:

– Должно быть, отец Лоран бывает излишне суров?

– Он бывает излишне туп, излишне придирчив, излишне солдафон! – прошипел в сторону выхода толстяк.

Доктор незаметно пнул ногу Лу под столом, и тот вышел, прихватив горбушку хлеба. Не хватало еще, чтобы юный слуга слушал ругань старого пьяницы! Андре по-своему заботился о воспитании парня и старался ограждать его от лишней или вредной информации.

– Полагаю, вам не слишком приятна личность настоятеля? – осторожно спросил он у брата Модеста.

– Мне могла достаться эта должность, – ответил тот с кислой миной, – Но настоятелю не полагается готовить. После смерти предыдущего аббата у нас уже было так мало людей! Воображаю, какой мерзостью нас кормил бы отец Лоран, заняв мое место…

– Вы отказались от возможности возглавить монастырь только из-за еды?

– Поверьте, в нашей жизни не так много других радостей. Миска доброй похлебки для старика порой значит больше, чем улыбка красотки для юного хлыща. Или танцы для самой красотки… Мои слова, должно быть, вас удивляют? – толстяк развернулся лицом к доктору и развалился на скамье, опершись спиной на стол, – Я один из последних новобранцев Сан-Антонио, как бы выразился наш комендант… Принял обет в сорок лет с хвостиком.

– А до этого? – спросил Андре, с любопытством уставившись на него.

– Был бароном N-ским. Старший сын своего отца, тоже барона…

– Но как же так? Наследник, титулованный и…

– И совершенно несчастливый, мсье. Хотите выпить? Там, на кухне, бутылочка доброго бургундского.

– Здесь? Откуда? – Андре не смог скрыть удивления.

– Наш возница иной раз балуется “контрабандой” ради лишнего куска пирога. Надеюсь, это останется между нами.

Доктор уверил повара, что будет нем как рыба. Через несколько минут они сидели на кухне, на всякий случай прикрыв наружную дверь. На разделочном столе стояла бутылка обещанного вина, лежали остатки хлеба и немного молодого сыра.

– Я всегда был склонен к чревоугодию. Здесь предаваться этой страсти непросто, особенно последние годы, – мрачно пошутил брат Модест, наполняя стаканы.

– Должно быть, ваш настоятель не привык к роскошным трапезам.

– Он привык к солдатской баланде, к побоям и лизоблюдству. Грубый и неотесанный вояка – ничего больше. Разумеется, когда его назначиили настоятелям, никто и предположить не мог, что притенения ожидают даже кухню…

– Как он вас притесняет?

– Он мечтает добиться снисхождения от епископа и ради этого экономит на всем. Видели бы вы, из каких крох мне приходится готовить на семерых! У нас совсем крошечное хозяйство и сад; закупать большую часть продуктов приходится в деревне – но денег почти не выделяется. А все это для того, чтобы побольше средств отослать начальству. Монастырь убыточен, мсье доктор, и ничего тут не поделаешь. Ни Папе, ни кардиналу, ни даже епископу нет до нас никакого дела: семь забытых стариков едва сводят концы с концами в горах. Но господин комендант упорно не желает признавать всю отчаянность нашего положения.

– Разве сюда не приезжают проверяющие или что-то в этом роде?

– Что вы, мы слишком далеко от цивилизации, – горько махнул рукой старый толстяк, – Сан-Антонио подчинется епископу в Уэске, туда несколько дней конного хода. Все весточки во внешний мир передает брат Арман, когда ездит в деревню. Дальше их отвозит один из племянников нашего плотника.

– Плотника?

– Брата Серхио. Он из местных, родня сдала его в монастырь совсем мальчишкой. Такое часто бывает у бедноты, особенно в голодные времена.

– Печальная история… Но расскажите же о себе, уверен, это более интересно.

– Вы разочаруетесь! – монах отхлебнул вина и поморщился, – Я вел самую обычную жизнь для мелкого дворянина. Мое предназначение: быть наследником отца – было ясно с самого рождения. Учился у бенедиктинцев в соседнем с нашим замком монастыре, погулял положенное, а потом женился. В двадцать пять унаследовал отцовские земли и титул…

– Но что-то пошло не так?

– Все… Жену я любил, прекрасная была женщина. Но первая беременность закончилась печально, а следующая долго не наступала… Нам было под сорок, когда она понесла второй раз. Местный доктор следил за ней весь положенный срок, я собрал лучших повитух из окрестных деревень в своем замке – но все оказалось тщетно… Бедная Жанна умерла, рожая нашего сына. Мальчик тоже не выжил

Монах замолчал, чтобы снова приложиться к вину. Андре терпеливо ждал, но минута шла за минутой, а выпивший лишнего толстяк не думал продолжать рассказ. Наконец доктор не выдержал:

– Вы долго скорбели о ней?

– Долго, – буркнул брат Модест, – Сколько положено безутешному вдовцу и еще столько же. Много пил, еще больше ел – все как полагается.

– Но вам ведь нужно было думать о продолжении рода… Неужели вы пожертвовали свое состояние и замок церкви?

Монах едва не поперхнулся куском сыра.

– Да бог с вами! Я далеко не святой, мсье, – сказал он, откашлявшись, – Нет. У меня есть младший брат. Отличный, надо сказать, мальчишка. Теперь-то ему хорошо за сорок…

– Так вы решили уступить ему дорогу, удалившись от мира? Так благородно!

– Тут дело не столько в благородстве… Поймите, я потерял волю к жизни, был старым толстым болваном без детей и будущего. А его заря только разгоралась. Двадцатилетний красавец, сильный, умница – учился он получше моего – и всему этому богатству суждено было сгинуть в монастыре. Что еще ему оставалось, безземельному сыну мелкого дворянина! Он пришел ко мне за благословением, когда более не мог прозябать в замке. Тут-то меня и стукнуло в голову: уйти должен я.

– Вот так запросто?

– Еще чего – запросто! Пришлось больше года переписываться с архиепископом, чтобы разрешил такое. Я брату тем временем и невесту присмотрел, а нам никак добро не давали. Все решили деньги в конце концов: я прямо написал его преосвященству, что за мной церковь больше получит, чем за братом. Ну и через месяц ответ: добро пожаловать! – хохотнул толстяк.

Андре изумленно покачал головой. О том, что среди дворянства уход в монастырь сопровождается торгами, он слышал, но не мог и предположить, как все обстоит на самом деле.

– А как вы попали сюда? – спросил он.

– Да обыкновенно. Мои бывшие земли неподалеку, за перевалом. Тридцать лет назад дорога была в порядке и отнимала всего пару дней. Бенедиктинцы мне всегда были симпатичны, да и место тут бойкое… было. Думал, стану жить как человек, службу нести на благо королевству – а не тут-то было. Кто же мог знать, что скоро объездную дорогу построят, да здесь все заглохнет. Кто помоложе, разошлись по другим обителям, пока была возможность. Кто-то помер своей смертью. А потом уж так мало народу осталось, так что не до жиру.

– А к кулинарии всегда имели наклонность?

– Какое там! Когда народу стало мало, я у всех в помощниках ходил – делать-то ничего не умел толком. У нас повар был хороший, ничего не скажешь. Потихоньку одному научил, другому. Как похлебку ароматную сделать, как из ничего супчик сварить, как кролика запечь, чтобы за уши не оттащить… Каких только талантов в себе не откроешь. В мирской жизни я бы и близко к кухне не подошел! – монах рассмеялся и залпом влил в себя остатки вина, – Заболтались мы с вами, стемнело почти. Вы ступайте спать, мне еще прибраться здесь надо. Доброй ночи, доктор.

– Доброй ночи, брат Модест, – ответил Андре.

Он отпер дверь, прошел по галерее до своей кельи. Лу уже сопел на одной из коек. Андре последовал его примеру. Он улегся на соломенный тюфяк, несколько раз чихнул от пыли, облаком поднявшейся над постелью, и провалился в сон.

Глава 3

Громкий звон с монастырской колокольни прервал сон доктора, превратив его в утренний кошмар. Лу вовсе скатился с кровати. Он панически озирался вокруг и долго не мог сообразить, где находится.

Наскоро умывшись, хозяин со слугой направились в церковь, где их ждала очередная месса под руководством аббата Лорана. Служба мало отличалась от вчерашней: настоятель забывал текст, монахи закатывали глаза, брат Дамьен подсказывал с обреченным видом.

Это зрелище не способствовало пробуждению юного разума; вскоре Лу задремал и едва не свалился на пол. Парень сконфузился и по окончании службы едва ли не бегом покинул церковь через главный вход. Андре догнал его через минуту. Лу стоял возле запертой конюшни, ковыряя землю носком сапога. Он смущенно покосился на хозяина и сказал:

– Ну вот как они тут живут – с тоски ведь помрешь!

– Не так скоро, – ухмыльнулся Андре, – У монахов богатая духовная жизнь; кроме того, некоторые тут не по своей воле. По крайней мере, у каждого из них до конца жизни есть крыша над головой и кусок хлеба. О нас с вами такого не скажешь.

– Да я лучше крысиный хвост глодать буду, но в монастырь не пойду. Матери тоже несладко приходилось, но кого-то из нас монахам отдать даже не подумала.

– Ваша матушка – замечательная женщина, – ответил Андре, которому совсем не хотелось слушать брюзжание слуги в течение всего дня, – Вы не боитесь пропустить завтрак?

– Боюсь, конечно. Думал Гнедого навестить – как он там… А тут заперто.

В дверях церкви появился брат Арман. Вразвалочку он подошел к гостям, поздоровался с доктором и отпер замок на воротах конюшни.

– Я уж на рассвете навестил вашего конька, – сказал монах, – Покормил, напоил – все как надо. Нога у него, конечно, плоха. Подкова сорвана. К кузнецу нужно, в деревню. Он в хворях лошадиных понимает побольше моего, да и перекует в два счета.

В полумраке конюшни мирно стояли рядом конь и местный осел. Слуга бросился к своему четвероногому приятелю, едва дождавшись, когда распахнется дверь. Он погладил неряшливо стриженую гриву и покачал головой:

– Да как его довести к кузнецу… Тут и здоровая лошадь не пройдет. Эх, черт меня дернул в горы тебя тащить.

– Пару деньков я за ним поухаживаю, авось окрепнет, – ободрил парня возница, – Да и деревня недалеко, налегке дойдет. Ты вон какой вымахал – в случае чего и на руках отнесешь.

– Я смогу, если надо, – кивнул слуга.

– А мы не стесним вас за пару дней? – поинтересовался Андре.

– Да какое там! Чтоб нас стеснить, народу побольше требуется.

– Я к тому же беспокоюсь о повозке. Мы оставили ее на самой вершине…

– Я после завтрака схожу, приволоку, – вызвался Лу, – Только не бросайте Гнедого тут, пожалуйста!

– Ну как его тут бросишь… Несколько дней задержки ничего не решат, в конце концов. Если отец Лоран окажет нам свое гостеприимство, буду счастлив дождаться полного выздоровления коня. Он немало послужил нам обоим и послужит еще, если дать ему шанс.

Обрадованный слуга потрепал коня по шее, и тот отозвался благодарным ржанием. Снова заперев конюшню, монах и путники направились в трапезную. Остальные уже собрались там. Завтрак для гостей был накрыт отдельно. Трапеза прошла в молчании – Андре снова не удалось определить, вызвана эта странность благочинностью или напряжением между монахами.

Окончив завтрак, аббат Лоран подошел к путникам.

– Утром у меня приемные часы, – обратился он к Андре, – Жду вас у себя.

Старый комендант удалился. Оставшись без присмотра, монахи заметно расслабились. Они обменивались короткими репликами и делились планами на день. Все же Андре не ошибся: напряжение за столом было вызвано присутствием настоятеля.

– И чего ему от вас надо? – еле слышно шепнул Лу.

– Кто знает… В этом тихом местечке сложно даже подумать о грехах, не то что совершать их. Впрочем, монахи – тоже люди.

– Я уж в Тулузе заметил, – хихикнул слуга. Андре сурово посмотрел на него, и парень склонился над тарелкой, едва не нырнув в кашу.

– Вновь напоминаю вам: следите за своим языком. Он может доставить немало бед нам обоим.

– Я слежу-слежу, только он сам что попало мелет…

– Речь подчиняется разуму, дорогой друг. Развивайте свой мозг, и проблем с языком не будет.

– Развивайте… И так всю весну над книжками корпел, а на кой – непонятно.

– И это лишь начало. Лу, вы умный молодой человек. Поймите: сила не всегда будет с вами, а разум дряхлости не подвластен

– Ну уж, не подвластен! Будто дураков старых мало.

– Среди ученых стариков их практически нет, а о необразованных мы говорить не будем, потому что вас не будет среди них.

– Чего?

– Доедайте полбу и идите за повозкой, – вздохнул Андре.

Лу послушно отправил в рот остатки каши и через минуту выбежал за дверь. Хозяин сокрушенно смотрел ему вслед. И чего он, в самом деле, хочет добиться от мальчишки? Парню сравнялось шестнадцать в апреле, ученым ему точно не бывать. Так стоит ли овчинка выделки?

В грамоте, однако, Лу делал явные успехи. Он выучился читать за считанные недели и увлеченно занимался по книгам из библиотеки архиепископа тулузского. Андре подозревал, что дело пошло бы еще быстрее, если бы среди богословских трудов попался хоть один куртуазный роман или рассказ о приключениях.

К сожалению, его преосвященство был человеком исключительно богобоязненным и всяких глупостей в библиотеке не держал. Приходилось довольствоваться тем, что есть. Доктор старался выбирать жизнеописания самых несчастных святых: естественно, что о пытках, побегах из темниц и казнях шестнадцатилетнему подростку читать будет интереснее.

Библиотека содержала и научные труды, но касались они в основном добычи философского камня и способов обличить ведьму. Андре отчего-то казалось, что первое слугу не заинтересует, а второе – смутит неокрепший ум. Пойдет ли вообще на пользу такое бессистемное образование – отдельный вопрос. Прав ли Андре, запихивая в голову наивному парню все эти знания? Кто скажет?

Вот уж полгода они путешествовали вместе, делили иной раз последнюю корку хлеба на двоих… Наделенный огромным ростом и силой, Лу отличался веселым характером. Старый хозяин неплохо вышколил слугу, но добряк Андре свел на нет все его достижения. С ним Лу держался запанибрата, частенько подшучивал и даже дерзил.

С другой стороны – и доктор втайне этим гордился – за него парень был готов идти в огонь и воду. Симпатия между хозяином и слугой была обоюдной и искренней. А знания, полученные от доброжелательного наставника, которому ученик всецело доверяет, не могут пойти во вред. Эта мысль приободрила доктора.

В раздумье он не заметил, как монахи окончили трапезу и разошлись по своим делам – только брат Модест гремел на кухне сковородками. Андре поблагодарил повара за вкусный завтрак и в приподнятом настроении пошел в келью настоятеля.

Дверь на его стук снова открыл брат Дамьен. Он пропустил доктора внутрь и с поклоном удалился. Настоятель сидел на табурете перед окном, выходившим в сад.

– По утрам брат Дамьен исполняет обязанности моего секретаря. Я подумал, однако, что при этом разговоре лишние уши ни к чему, – сказал аббат Лоран, приглашая доктора присесть на свободный табурет.

– Дело секретное? – осведомился Андре, усаживаясь.

– Неприятное, скажем так. Что-то неладное творится у нас, мсье Эрмите… Или доктор – как вас правильно называть?

– Правильно – доктор… Полагаю, я не сильно ошибусь, предположив, что речь пойдет о церковном имуществе.

– Будете очень близки к истине, – ухмыльнулся настоятель, – Хотя я сам не уверен… Кому, например, нужна ряса?

– Монашеское одеяние?

– Да, черт возьми! Мой полк… то есть моя братия обеспечена всем необходимым, кому из них придет в голову заиметь лишнюю рясу? И тем не менее она исчезла, прямо с веревки, где сушилась вместе с другим бельем.

– Действительно, необычно. Что-нибудь еще пропало?

– Пока нет. Но я уверен: дело неладно. Не могу объяснить толком, это и раздражает сильнее всего, – настоятель поднялся и прошелся по келье из угла в угол. Наконец, он остановился, повернувшись к собеседнику, – Дело в том, мсье, что я чую заговор.

– Заговор? – Андре подумал, что ослышался.

– Да! Вы когда-нибудь имели дело с кучей мерзавцев, которые замышляют какую-то пакость? Мне приходилось, и клянусь, именно это сейчас и происходит.

– Я могу такое представить в армии, но в Сан-Антонио… Где самый молодой давно разменял седьмой десяток…

– Да-да звучит безумно, но так и есть. Это невозможно доказать и даже внятно объяснить. Где-то шепот за спиной, где-то косой взгляд, потом начинают вещи пропадать…

– Но какую пакость могут замышлять монахи? С помощью рясы…

– Не представляю, а вы, – аббат Лоран уселся напротив и ткнул пальцем в грудь Андре, – разузнайте!

Разнюхивать козни в старом монастыре – этого еще не хватало! Доктор так и знал, что остановка в горах ни к чему хорошему не приведет. Слишком все плохо складывалось в последнее время; следовало еще на подходе к Пиренеям повернуть назад. Если бы не это письмо от старого наставника Андре… Снова любопытство сыграло с ним злую шутку.

– Я был бы рад помочь, но с трудом себе это представляю. Мирянин среди почтенных старцев – половина и разговаривать со мной не станет. В таких делах требуется полное доверие к следователю.

– Тоже мне, почтенные! – воскликнул аббат, – Да половина из них из бедноты, двое вовсе иностранцы. Заговорят как миленькие. А надумают молчать – пугайте моим распоряжением…

– Сомневаюсь, что это поспособствует сближению. И потом, разве вы не являетесь духовным отцом своих братьев? Ведь существует таинство исповеди, где ничего не укроешь. Почему бы не воспользоваться этим?

Настоятель безнадежно отмахнулся:

– Вы слишком хорошо о них думаете. На исповеди никто в подробности не вдается: грешен, да и все. За первые пару лет в этой должности я получил несколько жалоб на скуку, но после – ничего. Кучка старых бездельников – вот кто они такие!

– А если прямо спросить насчет рясы? – полюбопытствовал доктор.

– Это все-таки не трибунал, они не обязаны отвечать.

Андре показалось, что в голосе коменданта звучало сожаление. Ничего удивительного – этот человек наделен практически абсолютной властью и в то же время совершенно беспомощен. Тут и умом недолго тронуться. Вообще неоднозначность положения Сан-Антонио и его обитателей наводила на невеселые размышления. Было бы интересно немного распутать их дела, а если удастся чем-нибудь помочь – вовсе замечательно. В конце концов, ему тоже требуется их помощь.

– Я займусь этим делом, – сказал доктор, – Однако оно будет непростым. Чтобы войти в доверие к монахам, мне понадобится время. По несчастливой случайности конь захромал, и это объяснит, причину нашей задержки тут. Его нужно перековать в деревне, и еще несколько дней потребуется для восстановления сил.

– Великолепно! Брат Дамьен видел вашу рекомендацию, думаю другие братья уже в курсе, кто вы такой. Поживите между ними, затевайте разговоры о том, о сем… Между прочим, у братьев Армана и Серхио больные спины – вы могли бы как врач…

– Этим недугом я не занимаюсь, да и медицинскую практику давно оставил, отдав предпочтение следственной, – поспешно ответил Андре, – Впрочем, тема для начала беседы и вправду отличная, благодарю… Если позволите, я для начала задам несколько вопросов вам.

– Задавайте, – кивнул настоятель.

– Вы вели речь о заговоре. Понимаю, что полной ясности здесь быть не может, но нет ли у вас каких-либо догадок о том, чего вообще ожидать?

– Чего угодно! В армии я бы заподозрил дезертирство или кражу. Но здесь – ума не приложу, что они затевают.

– И вы считаете, речь идет о злодействе, в котором участвуют несколько человек?

– Только о нем. Один тут не справится. Монахи как солдаты – весь день на глазах друг у друга. Без взаимовыручки никак: кто-то обязательно узнает и…

– Донесет начальству? – с улыбкой подсказал Андре, когда отец Лоран запнулся.

– Да. Доносчиков никто не любит, но они необходимы. Как правило, нижние чины затевают такую дрянь, что своевременное наказание идет только им во благо.

– А в вашем монастыре есть такой человек?

Снова замявшись, настоятель решительно покачал головой. Но Андре и не нужно было прямых ответов. Без сомнений, доносчиком здесь может быть только брат Дамьен. Это следовало из его привычки держаться обособленно и угодничать перед каждым. Безупречная вежливость и в то же время отстраненность летописца говорили сами за себя.

Однако, если остальные монахи что-то и затевают, он может попросту не знать об этом. Едва ли такому человеку доверят информацию о готовящемся заговоре. Он почти все время проводит с настоятелем, корпит над монастырскими счетами и летописью. Если старик ни с кем особенно не ладит, неудивительно, что местные интриги обошли его стороной.

– А если бы я искал предводителя заговорщиков, кого бы вы назвали из ваших подчиненных? – поинтересовался доктор.

– Брат Арман. Он из простых, но какая хватка! Когда я сюда приехал, он был богатырь на загляденье. Поговаривали, что в юности это парень жил среди разбойников. Сейчас-то ему ни до чего дела нет, кроме осла этого несчастного. Холит его и лелеет. Ей-богу, я не видал дворян, привязанных к своим скакунам сильнее, чем этот извозчик. Когда осел болеет, он даже ночует на конюшне, наплевав на мой запрет. За всеми разве углядишь! – с мрачным видом добавил настоятель, – Одно время я подумывал сделать общую келью, но заниматься строительством некому. Стены очень уж прочные, а крепких мужчин совсем не осталось.

– Значит, между братьями царит подлинное равенство? Меня удивило, что вы видите в качестве лидера брата Армана, одного из простолюдинов. Ведь в Сан-Антонио есть и дворяне…

– Целых четверо! Брат Дамьен, брат Модест и ваш покорный слуга. Брат Андони тоже дворянин, но можно его не считать – кто примет всерьез титул баска! Вообще тут важнее характер, а не происхождение. Мой секретарь робок, повар из кухни носа не высунет – боится с голоду тут же помереть, а я вне подозрений.

– Значит, ваш повар склонен к чревоугодию? – с как можно более равнодушным видом поинтересовался Андре. Брат Модест ему нравился, и хотелось оценить степень неприязни настоятеля к этому добряку.

– Это же видно! Каждое утро молюсь, чтобы лестница на колокольню его выдержала. Впрочем, когда он начинает звонить, молюсь об обратном, – хохотнул аббат.

– Почему вы решили выбрать его звонарем? Мне кажется, это назначение озадачило многих, включая самого брата Модеста…

– Для его же пользы. Надеялся, что он немного сбросит вес, да и вставать будет пораньше. До назначения он вечно опаздывал с завтраком и норовил накормить всех сухарями с холодным мясом. А в постные дни вареная рыба – нет, даже мой желудок это не выдержит. Теперь он спозаранку как огурчик, и на столе горячая каша каждое утро.

– В таком случае, это пошло на пользу всем… я имею в виду: каша великолепна, – улыбнулся Андре.

Настоятель пожал плечами:

– Пища монаха должна быть проста, я считаю. Мы не за тем шли сюда, чтобы предаваться чревоугодию, хотя некоторые думают иначе.

– Аскетизм не каждому по силам…

– Да ладно вам! Я же не требую от них спать на камнях и подвергать себя самобичеванию! Они сами выбрали такую жизнь… Конечно, не все оказались тут по доброй воле. Хотя эти-то как раз внушают мне больше доверия.

– Вы имеете в виду брата Дамьена и вашего плотника?

– Да, брата Серхио. Для него монастырь – дом родной. Хотя он ленив как все простолюдины, хоть меня и беспокоит его привязанность к родным – при всякой возможности интересуется жизнью в деревне. Его мальчишкой отдали сюда, семья по соседству… Но вот он ничего против меня не сделает, уверен.

– А что скажете о брате Рикардо? Мне он показался несколько враждебным, несмотря на молчаливость.

– Обычный болван, фанатик, как и вся их порода. Он смотрит свысока на всех вокруг, а себя мнит настоящим праведником. Вечно шатается от усталости – устраивает ночные бдения, хотя я запретил, пост держит постоянно, мяса вовсе не ест. Если бы не аскеза, толку бы от кастильца как от работника было куда больше. Что у него на уме – один бог знает, простите за каламбур. Иной раз мне кажется, что он пытается пораньше свести себя в могилу.

– Такое рвение и вправду настораживает, – миролюбиво согласился Андре, – Расскажите о последнем вашем подчиненном. Брат Андони ведь тоже иностранец?

– Баск – это даже не национальность, – поморщился настоятель, – Не понимаю, кому придет в голову всерьез относиться к горстке горных дикарей. Впрочем, его гонора хватит на десятерых кастильцев. Не назвал бы его особенно религиозным, но, как и брат Рикардо, этот считает себя выше других. Все время проводит на складе, хотя у нас хранить и считать толком нечего. Мне кажется, он просто ненавидит всех и вся.

– Такие люди встречаются в любом обществе… Спасибо, что уделили мне время. Я немедленно займусь вашим делом, тем более я получил исчерпывающую информацию, – Андре поднялся со стула, – Значит, мы со слугой можем рассчитывать на ваше гостеприимство в течение нескольких ближайших дней?

– Разумеется. Чувствуйте себя привольно. Ходите, где вздумается, разнюхивайте все, что требуется.

Милостиво кивнув головой, аббат дал доктору понять, что аудиенция окончена. Андре поклонился и вышел.

Глава 4

Оказавшись во внутреннем дворе монастыря, доктор на минуту задержался. Задача перед ним стояла непростая: необходимо разговорить шестерых стариков, многие из которых настроены весьма недружелюбно, а один вовсе дал обет молчания.

С тех пор, как католическая церковь одарила его своей милостью, Андре привык общаться с монахами и понял, что они мало чем отличаются от обычных смертных. Точно так же падки на лесть, так же грешат, так же любят и ненавидят. Но одно дело поладить с человеком, подолгу живя с ним бок о бок, и совсем другое – втереться кому-то в доверие, будучи знакомым всего несколько дней. И выведать у неизвестно кого неизвестно что! Это было чересчур даже для такого опытного следователя, каким себя с недавних пор считал Андре.

Что, в самом деле, могут затевать монахи, и как им может в этом послужить лишняя ряса? Какой-нибудь розыгрыш с привидением – слишком по-детски. Даже если предположить, что кто-то из братьев уже впал в детство… Что еще? Побег? А лишняя ряса – для тепла? Нет, глупость. Кому придет в голову бежать из монастыря на старости лет.

И все-таки настоятель прав: они что-то затевают. Но как разговорить старых монахов?

На лице Андре засияла улыбка, которая говорила о том, что его посетила отличная идея. Не самая честная, но оттого не менее отличная. Отец Лоран прав: доносчиков никто не любит, но иногда кто-то должен выполнять их обязанности ради общего блага. Главное – заставить собеседника поверить в это общее благо. Оставался один вопрос: к кому из монахов направиться в первую очередь?

Самым слабым звеном в этой цепи, несомненно, был брат Дамьен. Начать расследование следовало с разговора с этим престарелым херувимом. Доктор огляделся. Интересно, какая из множества дверей, выходивших из окружавшей дворик галереи, ведет к нему? Настоятель занимал первую келью, считая от часовни, доктор и Лу – последнюю, ближе к кухне. Между ними расположились жилища еще шестерых монахов. Не стучать же во все подряд.

Словно в ответ его мыслям, из боковой двери церкви вышел брат Дамьен. Андре улыбнулся и сделал шаг навстречу монаху.

– Прекрасное утро, не правда ли? Очень рад вас снова видеть… Отец Лоран сказал, что вы ведете летопись, и я подумал: может быть, вы будете столь любезны и познакомите меня с историей Сан-Антонио?

– Боюсь, вам будет скучно, – не привыкший к любезностям монах выглядел растерянным, – Впрочем, времени у нас вдоволь. Я увидел, как вы выходите из кельи отца Лорана, и подумал, что могу ему понадобиться. Но в этом случае, полагаю, он меня позовет.

Доктор заметил:

– По-моему, настоятель не собирался заниматься чем-либо, когда я уходил… А как обычно он проводит дни?

– В трудах и хлопотах, как и все мы… Проходите.

Секретарь жил по соседству с начальником, как и следовало догадаться. Андре пошел следом за братом Дамьеном, следуя его приглашению. Келья старика была меньше и беднее, чем у настоятеля. В целом неудивительно: полного равенства не бывает нигде.

На столе у окна лежала раскрытая летопись. Брат Дамьен распахнул ставни, предложил гостю единственный табурет, а сам уселся на кровати.

Доктор с полчаса читал молча. Сведения, изложенные в летописи, подтверждали то, что он уже услышал от обитателей Сан-Антонио. В записях за последние годы попадалось много сообщений о смертях и ни одного – о новых поступлениях. Изредка переворачивая страницы,

Андре не обращал внимания на монаха. Такое поведение окончательно смутило старика – тем больше он расскажет, когда придет время.

Закрыв книгу, доктор прямо взглянул на хозяина кельи. Тот заерзал под его взглядом.

– Могу я еще чем-нибудь помочь, доктор?

– Можете… Думаю, пора пояснить: я не просто так прибыл сюда, а уполномочен изучить ваш монастырь и порядки в нем, – Андре доверительно наклонился вперед, – Все это нужно, чтобы принять решение о дальнейшей судьбе Сан-Антонио.

– Боже! А аббат Лоран в курсе?

– Разумеется. Он уполномочил меня вести разговоры со всеми… кроме брата Рикардо, разумеется.

– Отвечать на прямые вопросы он может: кивать или качать головой обет не запрещает.

– Спасибо за пояснение; я думал иначе – никогда не сталкивался с молчальниками… Так вы можете рассказать мне о том, как тут идут дела?

– Право, не представляю, что именно вы хотите узнать.

– Начнем с настоятеля. Ведь вы – самый приближенный к нему человек?

– Пожалуй, что так. Я исполняю обязанности секретаря отца Лорана, а кроме того, читаю ему после обеда.

– Отчего он не читает сам?

– До того, как принять постриг, он вел довольно бурную жизнь. Чтение не входило в круг интересов молодого офицера, – улыбнулся брат Дамьен.

– Понимаю. А каков его круг интересов сегодня?

– Ну… Обычно отец Лоран просыпается в числе первых, занимается атлетическими упражнениями в своей келье, а когда тепло – то во дворе. До того, как зазвонят к утренней мессе, он проводит время у себя – полагаю, что коротает часы за молитвой. После службы и завтрака мы занимаемся делами монастыря; эти часы кроме того назначены для приема посетителей и просителей.

– Они пользуются спросом, эти приемные часы?

– О, вовсе нет, – смутился брат Дамьен, – Как правило, никто его не беспокоит… После обеда – чтение Священного Писания, а потом я ухожу на склад или к себе и оставляю настоятеля одного. Насколько мне известно, он любит вздремнуть. Потом вечерняя месса и ужин, после которого у всех наступает свободное время. Большинство братьев заняты в это время молитвой в уединении. Отец Лоран тоже проводит вечер у себя, обычно он не выходит до отбоя и рано ложится спать.

– Не слишком-то он занят, – заметил доктор.

– Как и все мы. Из-за недостатка людей каждый из нас выполняет по несколько обязанностей, но эти обязанности настолько ничтожны, что…

– И тем не менее распорядок дня довольно жесткий. Полагаю, это способствует общей дисциплине.

– Несомненно.

– Похоже, ваш настоятель привык к аскетичному образу жизни…

– Безусловно, он служит всем нам примером, – медленно проговорил брат Дамьен, который явно почуял неладное.

– А все ли счастливы следовать такому примеру?

Андре внимательно следил за лицом старика, и заметил его смущение. Впрочем, эта эмоция практически не покидала брата Дамьена, скорее она служила одной из главных черт его натуры.

– Возможно, что нет. Кому-то наверняка тяжело приспособиться к спартанским условиям, в которых мы живем по воле настоятеля. Тем более, речь ведь идет о пожилых людях, – неуверенно выговорил монах.

– Есть недовольные? – прямо спросил доктор.

Тот поколебался и неохотно кивнул.

– Я бы не хотел называть имен… Бросать тень на кого-то – не в моих правилах… Впрочем, это все равно выплывет наружу: все недолюбливают настоятеля.

– Даже вы?

– Пожалуй, и я тоже. Видите ли, я много лет занимался только летописью. Но с уменьшением числа братьев на мои плечи легли обязанности секретаря и счетовода, что вовсе не…

– Не соответствует вашей натуре? – подсказал Андре, видя, как колеблется монах.

– Именно… – брат Дамьен смутился еще сильнее, – Я замкнут от природы, и проводить столько времени в обществе отца Лорана бывает непросто. Поймите меня правильно: он прекрасный, требовательный руководитель, но быть приближенным к нему – по силам не всякому.

– Я понимаю, что вы хотите сказать… А назначил вас исполнять эти обязанности непосредственно отец Лоран, я полагаю?

– Разумеется.

– И часто он так… промахивается с выбором исполнителя?

– Практически всегда. Порой кажется, что он не совсем отдает себе отчет в том, что делает…

– Мне показалось, что обстановка в Сан-Антонио в целом напряжена. Неужели виной всему…

– Отец Лоран, и только он, – кивнул монах.

– Но, кажется, друг к другу монахи тоже настроены не слишком дружелюбно?

– Между собой ладят только брат Рикардо и брат Модест, остальные едва разговаривают. Общее недовольство руководителем не слишком способствовало единству среди нас, – улыбнулся старик.

– А не возникало ли среди монахов мысли сменить руководство?

– Это пожизненная должность. Не представляю, какое злодеяние должен совершить отец Лоран, чтобы лишиться ее. А его поведение как христианина – безупречно.

– Да… Неприятная ситуация.

– Куда уж неприятнее. Если монастырь закроют, мы разъедемся по другим местам. Так, безусловно, будет лучше всего.

– Почему же никто не уезжает сейчас?

– Отец Лоран не отпустит. Людей катастрофически мало, а в его глазах наша обитель – что-то вроде крепости, которую нужно защищать до последнего бойца. Кроме того, дорога слишком тяжела. Пешком горы ни одному из нас не преодолеть, а без средств даже не нанять крестьянского мула.

– Средств, я полагаю, ни у кого нет?

– Откуда им взяться, – улыбнулся брат Дамьен, – Мы ведем очень скромную торговлю с местными и большую часть выручки отправляем епископу. Личных денег монаху иметь не полагается. Да и ни к чему.

– Что ж, мне все ясно, – Андре поднялся, – Может быть, вы хотите добавить что-нибудь еще?

– Хотел бы, но рассказал уже больше, чем подобает, – монах встал, чтобы проводить доктора, – Надеюсь, это не принесет кому-то неприятностей.

– Отнюдь. Плохое руководство – серьезная проблема не только в монастырях. Самодур-начальник способен привести доверенных ему людей к настоящей катастрофе.

– Да поможет нам всем Господь, – пробормотал монах.

Когда дверь за спиной захлопнулась, Андре стер дружелюбное выражение с лица и крепко задумался. Насколько откровенен был с ним старик? Он столько всего выболтал, а умолчал наверняка еще о большем.

Пора бы слуге вернуться; пустая повозка – не самая тяжелая ноша для него. С этой мыслью доктор направился к конюшне. Миновав церковь, он вышел во внешний двор монастыря и увидел, что брат Серхио как раз отпирает ворота. Через минуту Лу вкатил во двор повозку с покосившимся колесом.

День обещал быть жарким. По лицу парня катился пот, но он не показывал ни малейших признаков усталости. Эта ослиная выносливость не в первый раз изумила доктора.

Конюшня была заперта, брат Арман куда-то исчез. По указке привратника-плотника Лу доволок повозку до ворот мастерской и бросил ее там. Брат Серхио неспешно подошел и склонился над колесом. Андре отослал слугу в келью, велев ему передохнуть, а сам заговорил со стариком:

– Отец Лоран любезно позволил нам задержаться на несколько дней. Надеюсь, вы сможете починить колесо – я не останусь в долгу.

– За несколько дней починю, – медленно, словно размазывал масло по хлебу, проговорил брат Серхио.

"Не слишком-то ты рвешься к работе", – подумал про себя Андре.

– Я рассчитаюсь с вами за работу при отъезде… или нужно будет передать деньги кому-то другому? Может быть, расплатиться с вашим настоятелем?

– Он тут при чем? – оживился брат Серхио, – Я чиню, со мной и расплатитесь. Я уж куда надо денежки снесу.

– Прекрасно, – Андре осмотрел груду бочек и ящиков, стоявших рядом под навесом, – Неужели это все – ваша работа?

– Чья ж еще? Плотничать только я обучен, другие и молотка в руках не удержат.

Доктор украдкой оглядел старика. Он был одет, как и остальные монахи, в черную рясу. Следов интеллекта на лице заметить не удалось, но хитростью монах явно не был обделен. Капюшона он не носил, демонстрируя миру выбритую посреди рыжей шевелюры макушку, и часто зевал – не то от скуки, не то от усталости. Среднего роста, крепкий для столь преклонного возраста. А ведь недавно он разменял восьмой десяток, если верить летописи.

Андре подумал, что вряд ли брат Серхио дожил бы до таких лет, останься он в своей деревне. Крестьянский век недолог. А в стенах монастыря старик совсем неплохо сохранился. И все-таки в одиночку мастерить и таскать бочки для сидра…

– В вашем возрасте это тяжело, должно быть.

– Нелегко, ясное дело. Спиной маюсь, – пожаловался монах.

– Кто-нибудь вас лечит?

– Лекарь года три назад помер. Горячий камень в постель беру, да брат Арман обещал пчел на поясницу поставить. Так и перебиваемся.

– Пчел? Что за варварский метод?

– Приятного мало, конечно, но ему помогает, говорит. Я и сам не хочу, – признался брат Серхио.

– А брат Арман тоже болен? Кстати, где он – я хотел и с ним поговорить.

– Он в саду, травку для ослика рвет. А за поясницу второй год уж держится. Меня-то с месяц как скрючило.

– Вам нужно больше отдыхать, – серьезно посоветовал Андре, – Я давно оставил медицинскую практику, но это важнейшая рекомендация на все случаи, тем более для пожилых.

– И на том спасибо, – пробормотал монах.

Он вновь склонился над колесом, давая понять, что разговор окончен. "Все старики одинаковы", – думал Андре, направляясь к себе. Крестьяне, дворяне, офицеры или плотники – запас вежливости у всех ограничен. Думают о чем-то своем и чихать хотели на окружающих. Посмотрел бы он на молодого плотника, который вот так запросто поворачивается спиной к своему заказчику…

Между прочим, брат Дамьен, намеренно или нет, ввел доктора в заблуждение: по крайней мере, один из монахов к наличным деньгам проявлял здоровый интерес. Плотника можно понять: если у него родня в деревне, несколько монет лишними не будут. Передаст как-нибудь с братом Арманом, если тот достаточно к нему расположен. Повар ведь говорил, что за небольшую мзду возница доставит из внешнего мира что угодно – наверняка это правило работает в обе стороны.

Андре не терпелось поговорить с предполагаемым предводителем заговорщиков, но для начала нужно было собрать побольше информации. Брат Арман – крепкий еще мужчина, держится бодро и явно себе на уме. Такого голыми руками не возьмешь.

Когда доктор вошел в келью, то с неудовольствием увидел Лу, дремавшего на кровати прямо в сапогах. Парень пытался завалиться на боковую, как он это называл, при каждом удобном случае. А удобным для него считался всякий случай, когда хозяина не было рядом. Растолкав слугу и усадив его к раскрытому окну с книгой, Андре принялся расхаживать по комнате. Оставить парня без присмотра было решительно невозможно: тот мигом вернется в объятия Морфея.

Лу сонно щурился на страницы медицинского справочника, а доктор решил тем временем посвятить его в планы на ближайшее время.

– Мы задержимся на несколько дней, – сказал он, – У настоятеля есть подозрения, что в Сан-Антонио не все ладно.

– Что тут может быть ладно: семеро стариков одни в горах. Как еще живы…

– Лу! Вы снова не следите за языком. Эти люди посвятили свою жизнь служению церкви. Кроме того, они дают нам крышу над головой.

Парень склонился над книгой. Она была раскрыта на странице с описанием очередного заболевания: таков был обычный урок. Этот справочник Андре таскал с собой по привычке, на память о былой медицинской (и не совсем законной) практике. При первой возможности он намеревался подобрать для Лу что-нибудь поинтереснее.

Слуга морщил лоб, хмурился, открывал и закрывал рот, всем видом демонстрируя, какой усиленный мыслительный процесс идет в его голове.

– "Mor-bi-lli"[7], – выдохнул он и, утерев пот со лба, спросил, – Это что за штука?

– Болезнь. Обычно бывает у детей.

– А мне оно на кой? Вроде как подрос уже.

– Вам нужно практиковаться в чтении, а на чем – дело десятое.

– Скажете тоже – десятое… Про казни египетские интереснее было. Когда в Тулузе жили, я читал – помните?

– Помню, конечно. Не отвлекайтесь, иначе до обеда не закончите.

Угроза подействовала: парень погрузился в чтение. Через полчаса он взмок до кончиков волос, а через час, когда с башни донеслась какофония, которую брат Модест извлекал из несчастных колоколов, – совершенно выбился из сил. Пожалуй, для слуги было проще в одиночку тащить на себе повозку, чем одолеть одну главу из хозяйского медицинского справочника.

[7] "Mor-bi-lli" – Корь (лат.).

Глава 5

Андре не слишком горел желанием идти на очередную мессу. Он еще раз попросил Лу перечитать последний абзац. Через полчаса они услышали, как мимо двери монахи прошли к кухне. Только тогда доктор разрешил слуге отложить книгу.

Выйдя во двор, они едва не столкнулись с братом Модестом. Раскрасневшийся, шумно дышащий толстяк в одиночку брел по галерее.

– Ну и жара! – пожаловался он доктору, останавливаясь, – Семь потов сошло, пока забрался на эту проклятую колокольню – пришлось зайти к себе переодеться. Надеюсь, к вечеру получше будет. На западе как будто тучки видны.

– Я не удивлюсь, если будет гроза… Все-таки не самое разумное решение сделать вас звонарем.

– Безумное решение. Это меня прикончит когда-нибудь. Вот тогда они попляшут с похоронами, – хохотнул брат Модест, похлопав себя по неохватным бокам, – Не будем о грустном. Сегодня на ужин жареная курочка, а после с удовольствием поболтаю с вами у огонька. И еще будет очень здорово, если ваш слуга натаскает воды. Ему это точно по силам, а с меня яблочный пирог.

– Он с радостью поможет, – ответил доктор, увидев, как загорелись глаза Лу при известии о сладкой выпечке, – Что касается вечера, я с не меньшей радостью проведу его на кухне. В монастыре это, пожалуй, самое уютное место.

– Не представляете, как я рад это слышать. Хорошую компанию здесь не найдешь. Брат Рикардо, безусловно, замечательный слушатель, но мне все же хочется слышать голос собутыль… собеседника хоть иногда. Да и помощи по кухне не дождешься: он слишком изнурен работой в саду.

– Я слышал, брат Рикардо не ест мясного?

– Совсем нет, только растительная пища. Это при его-то работе – потрясающая сила духа! Я бы так не сумел.

– Я б помер за неделю, – буркнул Лу.

Толстяк окинул его взглядом и рассмеялся:

– Если бы можно было делать ставки, я бы сказал: за три дня. Такому богатырю нужно много еды. Мой брат мог съесть целого козленка после охоты. Я сам одолевал не меньше половины в молодые годы, да еще полбочонка доброго вина… – вспоминая былое, монах зажмурился от удовольствия, – Не будем же задерживаться и направим наши стопы в трапезную. Поверьте, похлебка со свежим хлебом и монастырский сидр ненамного хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.